

ВОСПОМИНАНИЯ НА ФОНЕ ВОСПОМИНАНИЙ: АНТИПИН ЛЮЦИАН ФЕДОРОВИЧ (г. ИРКУТСК)

Антипин Л.Ф. – Я коренной сибиряк. В верховьях реки Лены в месте впадения в нее горной реки Киренги расположен длинный остров, на котором раскинулся небольшой городишко Киренск, в котором я родился. Великолепный по архитектуре и быту, редкий по функции – это, как сказали бы сегодня, «монопрофильный» город – вся мужская часть его населения и до революции, и в 1930-е г.г., когда я родился, работала исключительно на речном транспорте. Летом они ходили по Лене до самого Северного Ледовитого океана – капитанами, боцманами, матросами... Кому не доставалось «водной» работы, трудились в доках: строили суда, ремонтировали их, красили, отделывали и т.п. Навигация делила жизнь на две части – активную (летом в городе оставались одни женщины) и пассивную (зимой шла подготовка к следующему сезону). Быт в основном был патриархальный «сельско-городской» – в домах усадебного типа горожане вели крестьянский образ жизни: держали коров, свиней, домашнюю птицу, возделывали сад и огород, с которых питались.

Большинство домов Киренска было одного типа: с каменным цокольным этажом, в котором находились торговые лавки, складские помещения и ремесленные мастерские, и деревянным жилым вторым этажом. Искусно украшенные фасадной резьбой, они создавали удивительный мир красоты, ухоженности и уюта. Дом моего деда представлял собой настоящее родовое гнездо. Он делился на две половины, в одной из которых проживала семья деда, а в другой семья бабушкиного брата. Дом составлял вместе с хозяйственными двухэтажными дворовыми постройками, предназначенными для живности и утвари, замкнутое каре. Весь двор был заспан такими

же толстыми деревянными плахами, как и пол в доме. Более того, даже в коровнике скотина стояла не на земле, как в деревнях, а на точно таком же деревянном настиле.

Меерович М.Г. – С детства впитанное Люцианом Федоровичем обаяние исторической среды традиционного сибирского города в зрелые годы проросло в осознание ценности исторической деревянной застройки г. Иркутска – 40 лет подряд Люциан Федорович с фотоаппаратом в руках обходил городские закоулки, запечатлевая уходящие под напором новой застройки старые дома и усадьбы. Эта страсть захватила и нас, через всю свою творческую биографию пронесших преклонение перед культурой обживания городской среды, воплощенной в образах деревянного Иркутска.

Антипин Л.Ф. – Семья деда дружила с семьей ссыльных поляков. Причем дружба и обаяние польской культуры были настолько сильными, что под влиянием этих чувств я и брат получили свои необычные для сибирской глубинки имена: я – Люциан, брат – Вольдемар. Но если ему удалось легко русифицировать свое имя, превратившись во Владимира, то я нес свое через насмешки детства и юности, а также через удивление и путаницу всю свою жизнь. Но польской культурой я так никогда и не заинтересовался, видимо, оттолкнули детские издевательства сверстников над моим чужеземным именем.

Меерович М.Г. – У нас, студентов первого набора специальности «Архитектура», Люциан Федорович преподавал главный предмет: «Архитектурное проектирование». Небольшого роста, невероятно терпеливый, с добрыми глазами, он обладал железной волей и силой убеждения. Очень мягким и тихим голосом, который он никогда не повышал, несмотря на всю нашу недисциплинированность и глупость, он терпеливо разъяснял суть профессионального ремесла и демонстрировал способность самоотжествляться с объектом проектирования.

Антипин Л.Ф. – В школе я учился легко и без напряжения. Окончил с медалью – первый медалист в нашей школе. Учитель истории называл меня Цицероном за то, что я, даже не выучив урок, мог насочинять красивый и убедительный ответ, «заболтать тему».

Меерович М.Г. – Может быть это прозвище, а может быть то, что причиной «легких» ответов была не болтливость, а начитанность, привели к тому, что и в юношеские, и в зрелые годы Люциан Федорович был нарочито сдержан в речах – говорил сжато, емко, немногословно, исчерпывающе точно и понятно.

Антипин Л.Ф. – Мой дед был краснодеревщиком. Работал на судоремонтном заводе, устраивал суда изнутри – настилал палубы и отделывал каюты. Эту специальность передал ему его отец – мой прадед. У бабушки с

дедушкой было четыре сына и две дочки. Мой отец – Федор Никитич – старший в семье. Выбор им нетрадиционной для клана речников профессии учителя, резко повлиял на остальных членов семьи – мои дядья и тетушки, все мои братья и сестры стали учителями.

Меерович М.Г. – Родовое занятие учительством проявилось в готовности принять на свои плечи нелегкий груз развертывания подготовки архитекторов для Восточной Сибири в стенах Иркутского политехнического института (ныне Национальный исследовательский институт «Иркутский государственный технический университет») – в 1973 г. Люциан Федорович вместе с другими практиками: Ашихминой М.Я., Бухом В.Ф., Григорьевым С.М., Нечитайло В.К., Павловым, В.А., Сухановым В.Е. и др. пришел преподавать на организованную Д.Ф. Дмитриевским кафедру «Архитектуры».

Антипин Л.Ф. – Мое внимание к архитектуре и строительству было привлечено тем, что отец в какой-то момент стал заниматься чертежами. В школе он преподавал не только русский и литературу, но и черчение. Меня вдруг охватил острый интерес к тому что и как он чертил на миллиметровке. Меня заворожила эта метрическая разграфленность плоскости и появляющиеся на ней линии. А готовальня представилась чудесным аппаратом для таинственного производства загадочных непонятных изображений.

Меерович М.Г. – Впитанное с детства качество истинного «ремесленничества» в формировании и обустройстве среды обитания, Люциан Федорович превратил в осознанное основание своей профессиональной деятельности. Все его проекты отличались какой-то преувеличенной щепетильностью в отношении к пространству, материалу, деталям. Он любовно прорисовывал планы и фасады на наших наивных эскизах, вживаясь в те образы будущего сооружения, которые мы – первокурсники – неумело пытались раскрыть в своих клаузурах и набросках. Он переливал в нас на консультациях способность не только пространственно представлять себе то, что мы рисовали в плоскости листа, но и прочувствованно относиться к вещам, которые для нас были в то время совсем непонятны – раскрытию во внешней форме сооружения характера работы конструкции, подчеркиванию фактурой строительных и отделочных материалов тектоники постройки, обретению способности к тактильному ощущению и переживанию материала или воображаемому ощущению освещенности и цвета в реальном объекте, существующем пока лишь посредством изображения.

Антипин Л.Ф. – Учась в институте на третьем курсе, в 1953 г. я потерял слух. Внезапно и полностью. Сначала на одно ухо, а через три дня на второе. Меня отправили в Москву в Боткинский институт, где провели обследование и

поставили на операцию. А так как ни времени, ни денег у меня не было, мне пришлось вернуться без операции и решать вопрос: «Что делать?». Учиться я не мог, так как ничего не слышал, а учебников было мало, не то, что сейчас, и учиться можно было только за счет лекций. Поэтому преподаватели каждый день поименно отмечали присутствие студентов на лекциях и требовали от нас, в обязательном порядке, ведение конспектов. С этим я приспособился – сидел на заднюю парту и старательно писал. Но не текущую лекцию, которой я не слышал, а предыдущую, по этому или какому-нибудь другому предмету, переписывая, со сдвижкой на сутки-двое, чей-либо конспект. На семинарах преподаватели, зная мою беду, специально говорили громче, помогая мне.

Меерович М.Г. – Окончив аспирантуру и став преподавателем, я неоднократно ловил себя на том, что испытываю раздражение, стесняясь с нежеланием студентов работать над проектом столь же самоотверженно и углубленно, как я этого от них требовал. И тут же гасил в себе это чувство, вспоминая как Люциан Федорович проникновенно и сочувственно обсуждал эскизы своих подопечных. Он вспоминал своих преподавателей, сострадавших его недугом и сделавших все от них зависящее, чтобы он закончил ВУЗ. А я вспоминал его – человека, который никогда не упрекал, никогда не ругал, а всегда переживал неудачи своих учеников, как свои собственные. Причем, переживал искренне и, чувствовалось, даже еще более глубоко, нежели они сами. И это вразумляло много лучше любых назиданий.

Антипин Л.Ф. – Сразу после окончания института я поехал в Москву, где меня прооперировали. И неудачно – на одно ухо я совсем оглох. Через несколько лет я снова поехал на операцию на второе ухо и она прошла успешно. Но в результате всех этих перипетий у меня испортился характер. Если раньше я был очень общительным, компанейским, общественно активным, то теперь стал нелюдим.

Меерович М.Г. – Сколько же человеческой доброты Бог дал этому человеку, если, будучи, по его словам, «нелюдимым» и с «испорченным характером», он оставался отзывчивым, добрым, невероятно терпимым к глупостям тех, кого он, по истечении многих лет, учил сам. Он по несколько раз, если это было нужно для понимания, спокойно и терпеливо объяснял смысл того проектного действия, которому должен был научиться студент, стараясь найти наиболее точные слова и понятные примеры...

СПАСИБО ТЕБЕ, УЧИТЕЛЬ! ЗДОРОВЬЯ, БЛАГОПОЛУЧИЯ, ДОЛГИХ И СЧАСТЛИВЫХ ДНЕЙ ЖИЗНИ!

МЕЕРОВИЧ МАРК ГРИГОРЬЕВИЧ
(г. Иркутск)

